

Здесь дом
дадут
хороший нам
и ситный
без пайка...

В. Маяковский, 1929 г.

По заревому бледному небу тянулись кургузые облачка, окрашенные восходящим солнцем в нежную розовость. Их общий округлый вид и отдельная кучерявость наводили на мысли о памятных с малолетства гимназистках уездного города, столь же розовощёких, сколь и приятно округлых...

Опустив глаза, герой колчаковских фронтов и командир ударного взвода ЧОН Егор Горюнов уткнулся

взглядом в хмурые, давно утратившие и округлость, и розовость, рожи обступившей казары...

Где-то неподалёку молодой голос с наслаждением выводил:

Ленин с Троцким власть забрали,
Разорили весь народ,
Хлеб дочиста отобрали,
До скота дошел черед...

За спиной круглилась брёвнами стена кладбищенско
й церкви, спереди и по сторонам, чередуясь с покосившимися
голбцами, плотно стояли бородачи в высоких ведерных
папах, нехорошо скалились и позвякивали крестами на
груди и шашками в ножнах.

Голоса звучали насмешливо:

– Ну, комиссар, молися Ленину!

– Што? Хорош казачий хлебушок? Счас, голытьба
селябская, мы тя вволю накормим!

Вперёд протолкнулся ражий детина с тремя
«георгиями» на серой гимнастёрке, хлопнул прутиком по
шароварам с васильковыми лампасами и, посверкивая
лошадиными зубами, произнес ласково:

— Вот скажи мне, мил-человек, и что такое энтот
твой коммунизм?

Егор вздохнул, припомнив как ещё вчера принимала
станция красных конников – хорошо принимала. Даром что
трёх дней не прошло как налетевшая незнамо откуда
контрреволюционная сволочь увела в степь председателя
сельсовета и двух баб... Прибыл на разъяснение ударный
взвод, выпили бойцы поднесённое угощение, закусили
хлебом-солью, да и уснули богатырским сном... А ночью –
чу! Собаки брешут. Только успел ноги в сапоги вдеть, а уж
засвистали за окнами, заорали дурными голосами: «Бей
комуняк! Любо!» Ой батюшки! Прёт со всех сторон казара,
только свист стоит. Хуже нет ночного боя – свои, чужие –
не разобрать тёмной ноченькой. Едва крикнул – «На конь!»
– а уж чужие кони теснят, так и дотеснили красного

командира Егора Горюнова до края станицы, до церковного погоста, до могилы свежeverытой...

Отчаянным был человеком Егор, не верил ни в сон, ни в чох, не боялся ни огня, ни холода, – туча не человек. Да только от смерти видать и ему не уйти...

– Молчишь?

– Да на кой чёрт мне с тобой ласы точить, рожа бандитская?

– Сам ты бандит! – оскорбился детина и даже улыбаться перестал. – Мы воины голубой армии Всероссийского Учредительного Собрания! Рука об руку с народом и против жидов-коммунистов... Нет, ты мне всё-таки скажи – вот что такое коммунизм?

Вздыхнул Егор ещё раз, расправил широкие плечи в кожанку одетые, провёл рукой по пшеничным усам и, глядя прямо в глаза бесстыжие, сказал с нажимом, как с трибуны:

– Коммунизм — это Советская власть и все изобретения техники! Из нищеты перейдёт трудовой человек к обилию всех продуктов, из общего котла будет разделяться необходимое между всеми трудящимися, рабочими и крестьянами... Через четыре года...

– Нее! – Радостно засмеялся доблестный воин голубой армии, махая прутиком будто отмахиваясь от глупых слов. – Коммунизм – это бес! Счас, мил-человек, мы его из тебя выгонять будем...

Затихли казачки, потянули папахи и фуражки долой, расступились в стороны. Выступил вперёд старчик в ветхой мантийке и чёрном куколе, прозрачный и лёгкий, глянул на красного командира отрешёнными от всего земного, выцветшими как фиваидское небо глазами, и звонким, мальчишеским голосом выговорил:

– Божий вечный, избавляющий человеческий род от плена дьявола! Освободи твоего раба...

Неожиданно сильный голос старчика звенел колоколом, слова, укреплённые многолетним постом и

молитвой, набирали мощь, расправляли невидимые крылья...

– Повели злым и нечистым духам и демонам отступить от души и тела раба твоего ... Не находиться и не скрываться в нём... Во имя твоё святое и едиnorodног о Твоего Сына, и животворящего Твоего Духа....

И от этих слов всё перевернулось внутри красного героя Егора Горюнова, пошатнулся он, выпустил из рук верный наган с пустым барабаном и гравировкой на рукоятке: «Гов. Горюнову за беспощадную стрельбу по враг. революции от ком. Тухачевского». И полезло из него на свет божий что-то тёмное, закурилось вонючим дымом, увеличиваясь на ходу в размерах рванулось вон с истошным визгом.

Бес! Здоровый, мордатый... Кинулся было прочь да зацепился на лету задней лапой за гайтан нательного крестика, рухнул на землю грязным сугробом, заверещал. Отступились казачки испуганно крестясь и поминая святых угодников, а Егор Горюнов, не ожидая хорошего, схватил рогатого за холку и единым махом вскочил ему на спину: «Поехали!». Дёрнулся бес в сторону – да не тут-то было! – сунув нечистому каблуками в рёбра, кулаком в рыло, привычный к любой скотине под седлом, Егор Горюнов с места взял в галоп, полетел чёрной птицей. Под матюги и винтовочные выстрелы, завиваясь винтом всё выше, выше. Над крестовыми главками, над Коелгой-рекой, да над самым над Диким полем...

Что!?! – обречённо выдохнул нечистый, приминая копытцами давешние облачка. – В Иерусалим?

– В Москву! – воротя бесовскую морду на российскую сторону твёрдо сказал Егор Горюнов. – К Ленину!

Летать оказалось не страшно, пыхтел бес на манер паровоза, удивительная лёгкость теснила изнутри. Все было светло в вышине. Воздух, холодный и упругий, был прозрачен. Все было видно. Сквозь дым, сквозь крыши...

Видно Егору Горюнову с высоты, как в бывшей женской гимназии в бывшем уездном городе сидит усталый мужчина с серым лицом, в серой шинели и скребёт на бумаге депешу:

«Председатель губернского исполкома Ленину – «О полном несоответствии цифр продразвёрстки по Челябинской губернии с её продовольственными и кормовыми ресурсами...».

Чернила летят брызгами, плохое перо рвёт бумагу и слова проходят насквозь, сыпятся искрами, взлетают под потолок яркими всполохами, летят в небо сквозь перекрытия и крышу...

А над деревянными, исцарапанными маникюрными пилочками и шляпными булавками партами робкими болотными огоньками порхают слова: «Егорушка душка!», «Господин Полозов – бросьте историю, возьмите меня!» ...

Нет, не слова – всё что в них вкладывалось, всё что заставляло мучительно сцеплять буквы в одно целое, рвалось из горла, не находя выхода...

Сидит бородатый мужик над листочком газетной бумаги и, закрываясь плечами, между строчек передовицы выписывает письмо.

Размазанные газетные буквы бухают: «Радостно и бодро с полной уверенностью в конечной победе встречаем мы Новый год. Грядущий 1920-й год сулит нам новое счастье, новую жизнь» – и по горнице алое зарево... А корявые, ещё с «ятями» строчки взрываются чёрным огнём: «А посеяли против прошлогоднего в половину и менее, что нас ожидает в 21 году не знаю, поля не засеяны и не обработаны...»

Дальше, дальше летит красный командир Егор Горюнов, оседлавший нечистого духа – а с земли ему навстречь взлетают огненные слова как языки пламени.

Сидит крестьянская баба, подперев грустную голову неподъёмной рукой и диктует босоногой девчонке с испачканным чернилами носом – «Дорогой сын, у нас здесь дерут с пяток до головы, берут всё: хлеб, скот, шерсть... а я ездила в Бреды, там этой шерсти навалено несколько пуд...» – а небеса над бабой вздрагивают и трескаются.

Человечье горе, страх перед будущим и надежда на лучшее наполняют слова подъёмной огненной силой и летят они сквозь небесную синь как раскалённая добела боевая шрапнель.

Сидит в железном вагоне, броневыми листами окованном, решительный человек в пыльном суконном шишаке с красной звездой, и положив левую руку на горячий кожух пулемёта торопливо строчит химическим карандашом: «Широкие массы непролетарских, часто даже полупролетарских элементов, казаков, башкир, крестьян и проч. относятся к Советской власти не только не сочувственно, но даже часто определённо враждебно...». Плюнет на карандаш, посмотрит в амбразуру на изрытую свинцом и железом сельскую околицу и снова пишет: «Но вместе с тем из этого не следует, что положение в настоящий момент угрожающее...». И столько в этих словах железной уверенности в собственной правде, в окончательном торжестве революции и близкой победе пролетариата, что пышет жаром из амбразур бронепоезда, летят огненные стрелы через поле, стальными остриями распахивают целину для будущих невиданных всходов.

Над железными рельсами, над могилами без крестов, над землёй растревоженной летит Егор Горюнов, – вот уже и Урал-гору перемахнул.

Чаще стали встречаться деревни и починки, города и станции, чаще пошли слова чрез всё воздушное

пространство – проливным дождём с земли на небо, гремучими молниями, дробным градом.

«Самогонку пить можно, но дорого, четверть 5000 руб. Спирт 5000 руб. Но старую привычку не бросаем. С похмелья выпиваем. Дела хорошо идут...» ...

«Время сейчас тяжёлое, в деревне народ взрослый болеет кровавым поносом, а ребёнки мрут, как лес валится»...

Сидит в седле пожилой азиатец с лицом глиняного истукана, глядит невидящими глазами, как щиплют овцы степной типчак и выпевает слова от предков доставшиеся:

Изел буйкайзары, ай, каялык – Изел буйкайзары, ай, каялык –

Полковник Тәфтиләү яу урыны. Полковник Тәфтиләү яу урыны.

Башкорт илкәйзәрен утка тоткас, Башкорт илкәйзәрен утка тоткас,

Алтынланды уның яурыны. Алтынланды уның яурыны¹.

А над ним полыхают пожары прежних времён, и заповеданные от предков ненависть к захватчикам и любовь к раздолью с новой силой рвутся к макушке вечного неба.

Странное видится Егору Горюнову как бы сквозь серебристую пелену – вслед табунщику в драной гимнастёрке с синими нашивками скачут плосколицые всадники в кожаных доспехах, маршируют навстречь с фузеями наперевес усачи в треуголках, встают из праха забытые герои в надежде на новую жизнь.

А выше сквозь прорехи неба, прикрываясь ладошками, смотрят на кипящее внизу варево пернатые божьи слуги, а снизу сквозь растрескавшуюся землю чадит

¹ Крутые скалы на берегах Идели, Здесь Тевкелев отдал приказ на бойню. Огонь, что сжег башкирские деревни,

чёрным дымом. Льются свет и тьма в простор над Россией, ведут бой в сердцах коммунаров и единоличников. Сидит на ветках яблони ангел, смотрит в окна новой школы под вывеской «ЕТШ»... Сидит на гребном колесе полузатопленного речного парохода красивая как гимназистка дева с водорослями в волосах, смотрит на летящего в поднебесье всадника призывным взором...

Сидят в просторном зале люди в гимнастёрках и рабочих тужурках, серьёзная барышня с чахоточным румянцем в большую амбарную книгу записывает каллиграфически:

«Президиум Уфимского революционного комитета вынес постановление организовать специальные рабочие команды из торгашей, барышников и тому подобных буржуазных элементов... Самого рынка решено не закрывать...». Выше лозунгов на стенах, выше красных знамён над крышею взлетает невысказанное: «Мы наш, мы новый мир построим...».

Сидят на лавочке курносые фабричные девчонки, лузгают семечки, выпевают задорно:

Как у нас тюрьма большая,
В ней богатые сидят.
В ней богатые сидят,
О коммунизме говорят.

А сквозь слова насмешливые на волю рвётся вся грусть-тоска девичья по женихам весёлым и вдогон — извечная бабья жалость к страдальцам, кандальникам да острожникам. Не всё вмещают слова, порой и хотят остаться недомолвками, а всё одно — за скупой сказанным сквозит нездешнее — то свет небесный, то мрак преисподний.

Сидит за большим столом корреспондент большевистской газеты, качает круглой стриженной головой, стучит по клавишам разбитого «Ремингтона», пишет-старается заметку в номер:

«В Нолинском уезде Вятской губернии недоступно высокими стали цены на невест, достигая 20 – 25 тыс. рублей... особенно тяжело выкупить невесту вернувшимся с фронта красноармейцам...».

И летят в небеса немые жалобы, бесписьменные ровесники стриженного грамотея сквозь газетную нонпарель кричат криком, и такая чугунная страсть летит пушечными ядрами, что бес под Егором Горюновым весь извертелся, уворачиваясь.

Промелькнула река Идель, – матушка-Волга, – потянулись центральные губернии, и опять пыхает снизу пушечными залпами:

«Мы не рабы, рабы немые...».

«Не плачьте над трупами павших борцов, слезой не скверните их прах...».

«У нас урожай в этом году очень плохой, с голоду будем умирать и скотину нечем кормить. Праздники проводим весело, приезжай домой...».

Вбивают слова обратно в рот вместе с зубами, корёжат на новых вывесках, рубят как шашками телеграфными лентами – а всё одно летят слова в небо, и вместе с этими словами получает выход самая душа, самая потаённая суть человеческая.

Где-то на Тульщине пересёкся стремительный путь Егора Горюнова с крёстным ходом. Всем миром валил народ из деревни на поля просить дождя во спасение. Тысячеусто гудела молитва, впереди шагал, размахивая дымящимся кадилом, председатель и по совместительству дьякон, рядом с ним деревенская верхушка несла иконы Спаса Нерукотворного и портреты Маркса.

– «Помилуй!» – грянула слитная молитва к кому-то из двух небожителей, и такой электрической силой вдарило в небо, что располосовало трещиной и пространство, и время, а зашибленный бес с визгом сорвался в штопор.

Выкручивая рога на себя, Егор Горюнов летел в бездну – а далеко впереди вставали ёлками башенки московского кремля с нахлобученными золотыми орлами и красными звёздами.

Глядит в небо Егор Горюнов – совсем у неба в Москве другая конфигурация. Облака бегут по линейке, разлинован небосвод железными проводами, взят в рамочку высокими зданиями-коробками. Скучное в этом городе небо – вся красота на земле.

Прямо перед глазами на стене яркими буквами революционные лозунги. Про кинематограф – важнейшее из искусств: «Слов не надо! Кино!», про бессмертие народных героев: «Цой жив!». Довелось Егору Горюнову повоевать против белых вместе с товарищем Жен Фученом. До прихода в армию тот работал в китайской прачечной в Москве, потом стихийно потянулся к красным, под знамена свободы и революции. Этот Цой видать тоже по себе в Москве добрую память оставил, раз поминают героя...

Гудят в голове слова, напоминая о полёте посредством одной нечистой силы: «Между землёй и небом – война...». Вестимо, война... Где бы ты не был, что б ты не делал... До полной победы мировой революции...

Сунул Егор опустошённую миску из диковинной белой бумаги обратно молодому человеку с черпаком и бородкой под Троцкого – «Благодарствую!» – повернулся к пролетариям что, не отходя от большого бака с супом торопливо принимали питание.

– Я давеча было усомнился насчёт коммунизма... Что наступит у нас преодоление частной собственности и начнётся справедливая жизнь... Теперь вижу – в Москве слова не расходятся с делом: еда даром, из общего котла

между всеми трудящимися... Ситный правда пока не очень...

Ближний пролетарий, одетый не по сезону, в засаленную в самых неожиданных местах бекешу, и с измятым лицом потомственного тунеядца, испуганно посмотрел на стоящего перед ним необычного человека.

Росту небольшого, но крепкий, добротная кожаная куртка явно не китайская, а выгоревшие брюки и рубашка истрёпаны хуже, чем у бомжа, на не по-здешнему загорелом лице сияют восторгом голубые глаза и густые светлые усы – вразлёт.

– Откуда ты взялся, такой... усатый?

– Оттуда... – махнул рукой на восток красный командир Егор Горюнов, аккуратно пряча за голенище солдатскую ложку. – Сшиблись с голубыми – ну, думаю, коли жив останусь, повидаю Москву... К Ленину в какую сторону?

– С голубыми подрался? Уважаю... К Ленину дуй прямо по Арбату, потом...

Егор Горюнов повернулся через левое плечо и зашагал размашистым шагом по брусчатке. Ему вслед неслоь неразборчивое:

– Эй! Метро

– Дорогу мы мерим не метрами! – ответил Егор, не оборачиваясь, и прибавил шагу.

С той поры как изошёл дымом подбитый бес, как упал Егор соколом в кусты защитной лесополосы на окраине столицы, отмахивал он вёрсты, не уставая, а только дивясь окружающим чудесам научного прогресса. Он шёл по Москве поражаясь силе города, воплощённой во всевозможных технических усовершенствованиях, в электрических цветных картинах, в авто и трамваях, в толпах людей, торопящихся по своим, несомненно важным, делам. «Второй год как стала Москва советской столицей – а какую мощь набрала: вот что значит коммунизм!».

Тянулись по сторонам улицы дома из железа, бетона, стали и светлого стекла. Многооконные стены казались прозрачными, отражая скупое московское небо. «Хороша наша Советская власть! Только бы не сошла с правильного курса...».

Много повидал Егор Горюнов, сражаясь с беляками, проводя продразвёрстку и по заданию партии искореняя очаги контрреволюции. Видел он как летят в небо глухие проклятья, как рыхлят землю огненные слова. Хотелось ему понять – для чего?

Что выросло из земли политой кровью, чем стали грозные слова, для чего перекроили люди всю свою жизнь наново – неужто только ради супа с тушёной и высоких красивых жилищ?

Идут по тротуарам пёстро одетые люди – штаны у многих драные, но вид сытый и весёлый.

Едут авто во всю ширь дороги, глянцевого, нарядные, с нерусскими буквами на радиаторах – по всему видно поддержали-таки немецкие пролетарии великую революцию рабочего класса в России.

Рябит в глазах, много чудного видится и не понять – взаправду это или снится, или иное что. А ещё со всех сторон – слова: звенят музыкой, манят красками, разлетаются в стороны с листовок, плакатов и объявлений.

«С любовью к прекрасному полу! Паркет и ламинат по оптовым ценам».

«Миру мир – вам пломбир».

«Институт экономики и информатики перепрофилируется в Международную полицейскую академию».

«В жизни много суеты – скушай нашей шаурмы!».

Не трогают эти слова душу, не просятся в песню. Рассыпалось чудо медными копейками...

Вот румяный ангел в стеклянной витрине предлагает каждому средство для райского наслаждения.

Вот красивая, с зелёными русалочьими волосами, дева смотрит призывным взором с большого плаката и сулит задёшево необыкновенный зубной порошок.

Прикормили лабазники слова, как голубей, распластали приказчики слова тушками на больших рекламных щитах, привесила писчая сволочь слова побрякушками к скупо одетым девицам. И не жгут больше слова губ, тлеют в зубах папиросками...

Вышел, пошатываясь, Егор к самой Красной площади – слева большой в несколько этажей лабаз, справа красивая церковь красного кирпича, – а впереди низкий каменный дом и на нём огненное слово «ЛЕНИН». Не прячется за кремлёвскими стенами Ильич, живёт, как и прежде, в народной гуще.

Шагнул было из вечерней тени на свет красный командир Егор Горюнов, да тут ему дорогу женщина загородила, одну руку тянет, другой мальчонку держит: «Поможите! Сами мы с Украины, до вас за милостью...».

Мешая малороссийские и русские слова, женщина монотонно и глухо рассказывала о том, как рвались снаряды в огороде её дома, как ехали в неизвестность на третьей полке переполненного вагона, как тщетно обивала она пороги столичных учреждений, а ей говорили «достали!» и «кто вас сюда звал?», что живут они в Москве, добра не видя, кое-как и впроголодь...

Посмотрел мальчонке в глаза Егор, а глаза у того – бездонные. И ударило его в грудь, будто прострелил ему сердце насквозь тот казачий хорунжий, георгиевский кавалер, на церковном погосте, у старой церкви. И остался в груди вместо горячего сердца ледяной кусочек свинца.

«Милость!» Где ж она, куда закатилась, где затерялась... Глянул Егор Горюнов туда, где Ленин – «Помоги!». И видит – и это великое слово вплавлено в тяжёлый гранит, привешены к нему пудовые каменные глыбы, и не звенит оно больше, не горит ярким солнцем.

И пошёл он вперёд, не сгибаясь, как ходил когда-то на белогвардейские штыки, не осталось для него больше радости – только свист как от свистков полицейских, только шум как от дурных голосов прислужников капитала.

– Не он это, Владимир Ильич! Не он это! – хрипел красный командир Егор Горюнов, ускоряя шаг, торопясь прочь от злой неправды обманного города. А всё невысказанное летело перед ним яростным огнём, плавило камень, наполняло потускневшие буквы на мавзолее необоримой силой.

Жизнь не только слова, есть любовь и есть смерть – но будет город-сад там, где слово стало жизнью.